

И смерти не будет!

Русские космисты
о бессмертии

Магистраль. Главный тренд

**И смерти не будет! Русские
космисты о бессмертии**

«ЭКСМО»

УДК 1(091)(470)

ББК 87.3(2)

И смерти не будет! Русские космисты о бессмертии / «Эксмо»,
— (Магистраль. Главный тренд)

ISBN 978-5-04-244851-5

XXI век. Количество спутников, запущенных на околоземную орбиту с начала «космической» эры, приближается к восьми тысячам. Колонизация Луны и Марса – вопрос времени и техники. Но что мы привезем с собой на другие планеты? Свои нерешенные проблемы? Пустоту механического бытия? Самое время обратиться к опыту наших великих предшественников – русских космистов, чьи философские учения сочетали в себе не только прорывные научные концепции, но и духовные практики. Стремление познать тайны Вселенной, определить место человечества в бесконечном вечном, этические и практические вопросы воскрешения и бессмертия занимали многих мыслителей: от фантастов и философов XIX века до «отца» русской космонавтики Константина Циолковского. В наш сборник вошли как известные авторы (Владимир Одоевский, Николай Федоров, Константин Циолковский, Валерий Брюсов), так и те, чьи имена незаслуженно забыты (Александр Богданов, Александр Ярославский, Александр Святогор и Петр Логинов). Если бессмертие – вопрос времени и техники, то к нему нужно подготовиться... В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 1(091)(470)

ББК 87.3(2)

ISBN 978-5-04-244851-5

© Эксмо

Содержание

Мысль правит мир: о русском космизме	7
И смерти не будет!	10
Владимир Одоевский	10
4338-й год: Петербургские письма	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

И смерти не будет!

Русские космисты о бессмертии

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Мысль правит мир: о русском космизме

Открылась бездна звезд полна; Звездам числа нет, бездне – дна.
М. В. Ломоносов, «Вечернее размышление о Божием величестве», 1747

Смерть есть одна из иллюзий слабого человеческого разума.
К. Э. Циолковский, «Воля Вселенной», 1928

Народ идет не к памятнику – к поэту. Посвящать оды звездам нет нужды – мы поднялись до них. Ничто не ново, но – вечно где-то в космосе, близ луны. Что, если бессмертие – закономерный продукт человеческого прогресса или больше – высший дар науки и духа? Таким вопросом когда-то задались космисты – представители особой ветви философии, которая, несмотря на планетарный масштаб своей мысли, требует открытия миру и сегодня.

«Название “философского века”, данное XVIII веку, в общем верно, ибо философия есть принадлежность несовершеннолетия, занятие мнимое, без реального дела», – такой вывод сделал Николай Федоров, родоначальник русского космизма, автор труда «Философия общего дела», определенно почувствовав преодоленный рубеж между склонностью человека наблюдать за миром и новой потребностью его менять. Интерпретаторы Федорова позже назовут космизм проективной, или практической, философией, потому что он невозможен без призыва к действию – победить человеческую смерть, исполняя грандиозный проект по созданию технологических, общественных и политических условий для воскрешения всех когда-либо живших людей.

После утраты метафизики в эпоху Просвещения мир наполнился идеями, подрывающими принятый уклад вещей, – человек скорбел по порядку и искал всевозможные способы себя утешить. Пессимистов можно понять: что, если не смирение с абсолютной бессмысленностью существования, остается тому, чей Бог умер? Но в России рубежа XIX–XX веков появляется альтернатива – русский космизм, который, унаследовав безусловную веру и стремление к духовному единению, дополнил их абсолютным убеждением в естественности технического прогресса и противоестественности смерти. Спасение всех когда-либо живущих стало той программой-максимум, ради которой космисты решились предъявлять требования не Богу, но человеку, чьей задачей было превосходство над природой и временем.

Несмотря на интерес со стороны величайших умов России – Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева, – русский космизм не приобрел массовой популярности в отличие от культа хаоса и пессимизма, захватившего Европу. Возможно, дело было в его своеобразной радикальности, проявившейся в глубокой, по сути христианской, вере в космос – понимаемый и как внеземное пространство, и как порядок, противостоящий несовершенству мирового устройства.

Стиль и формулировки статей Николая Федорова могут напомнить странную религиозную проповедь, однако утверждающую идеи, полемичные христианству. Можно сказать, что у Федорова христианство никак не противоречит ни теории эволюции, ни технологическому прогрессу. Наоборот, религия говорит о вечном существовании, которое безусловно важно для Федорова, но в преображенном виде: единственной подлинной формой бытия для него является тело (в том числе и после его «загробного» существования), которое будет оживлено техникой, развитие которой практически равно развитию человека как вида. Ведь создать такую технику способна лишь всеобщая организация, к которой люди должны прийти через развитие моральных качеств. Федоров призывал к единству, установлению почти семейных уз, которые

бы соединили все население Земли. «“Отцы” будут воскрешены “сынами”» – должны быть воскрешены – таков этический императив и высшая цель человеческого прогресса по Федорову.

Для Федорова предел человеческого развития достигим лишь в объединении, причем не только людей. Синтез должен произойти между мыслью и реальностью, верой и телом, технологией и искусством. Особенно интересна последняя пара: в отличие от технологий, которые устаревают, подлинное искусство не заменяется новым, а значит, существует вне времени, в вечности. Проблема, однако, состоит в том, что искусство оперирует образами, а не реальными людьми. Следовательно, стоит произвести очевидную замену, и тогда искусство позволит нам изъять человека из потока времени. Это лишь одно крайне общерассказанное мышление «московского Сократа», а таких космоантропологических «пересмотров» культуры у Федорова целое множество: размышлял он и о ритуалах, и о библиотеках, и о музеях, и даже о косметике.

Но первичное зерно грандиозного проекта – это мысль, которая у космистов почти всегда имеет материальный план. Все потому, что первым шагом к победе над «природой» является осознание собственной смертности, которое, по убеждению Федорова, отличает человека от иных видов и порождает саму этику (даже биологические особенности, например вертикальное положение тела, напрямую определяют нравственные способности). Вторым шагом – также «умозрительным» – становится вера в осуществимость плана, без которой осознание смертности стало бы лишь трагическим тупиком.

Еще одна неотъемлемая часть русского космизма – мысль политическая. Почти все последователи учения были идеологами того или иного общественного порядка. Например, Александр Святогор, чьи поэтические произведения вы найдете в этом сборнике, – деятель анархистского движения. Но, даже не зная этого факта, сложно не заметить, насколько стихи про человека, который на «насмешливом рыле» Луны «разводит огород», схожи с «Убийством лунного света» итальянских футуристов и, конечно, с «Победой над солнцем» А. Е. Крученых и М. В. Матюшина, чьи социалисты-будетляне достигают будущего, освещенного электрическим светом.

При всей поверхностной схожести «утопий» анархизма, социализма и космизма последний сущностно отличается от двух других. В то время как в основе левых идей – справедливость для живых, космисты выступают защитниками тех, кому нигде места не предусмотрено. Николай Федоров обличает главную, по его мнению, эксплуатацию – участь отцов, тех, кто «дал – или, вернее, отдал – свою жизнь» в пользу последующих поколений. И лишь в новом космическом мировом порядке философ не прозревает общество восторжествовавшей дискриминации, где равенство и свобода, лишённые подлинного братства с ушедшими предками, остаются недостижимыми.

Особенное общество описывает и последователь Федорова, ученый, теоретик освоения космоса и философ Константин Циолковский в своей научно-фантастической повести «Вне Земли». Действие этого произведения разворачивается практически в наше время, в 2017 году, где-то, вопреки названию, в Гималаях. Социальный уклад «замка ученых» напоминает феодальный: физики-естествоиспытатели, среди которых (по всей видимости, воскрешенные) Лаплас, Ньютон, Гельмгольц, Галилей, Франклин и некий русский физик Иванов, живут в обители науки, которая обеспечивается неучеными людьми с окружающих земель.

Циолковский пишет не утопию, но скорее этап грандиозного плана. В его повести международный коллектив из француза, англичанина, немца, американца, итальянца и русского, предстает «братской отшельнической семьей», чьей душой является скромный русский ученый, который представляет проект реактивного космического корабля. Покорение космоса в этом видении – насущная необходимость для расселения бесчисленных поколений воскрешенных, главная работа человечества после победы над смертью.

Сегодня, читая повесть, написанную почти что в духе детской сказки, сложно отвязаться от чувства несправедливости за великого мыслителя и всех его соратников, посвятивших жизнь настоящему времени, в котором полеты в космос – вещь если и не обыденная, то вполне реальная. И действительно, логика космистов уже не кажется такой уж непостижимой: сложно не согласиться, что единственным этически правильным исходом станет полет за пределы Земли самого отца космонавтики, который он совершит после того, как снова обретет тело, такое же, как у нас с вами.

Но ложным будет и утверждение об одинаковом принятии идей русского космизма в первой половине XX века. Рецепция философии была многогранной, а мнения о ее целях далеко не однозначными. К ним нередко относились и иронически, что ярко демонстрирует рассказ поэта Валерия Брюсова «Не воскрешайте меня!», в котором главный герой отказывается от бессмертия, ужаснувшись, словно монстром Франкенштейна, видом «ожившего» Гегеля (или того, во что он руками ученых был превращен).

При этом, если Брюсов к космизму имеет скорее опосредованное отношение, даже среди «практиков» освоения вечной жизни находились умы, которые ставили идеи своих соратников под сомнение. Ярким примером неоднозначного восприятия положений о бессмертии и воскрешении является Александр Богданов – врач, идеолог Пролеткульта, а также организатор и директор первого в мире Института переливания крови, который в процедуре гемотрансфузии видел путь к продлению жизни. На собственном опыте Богданов проверил этот метод, сделав себе одиннадцать переливаний, пять из которых были объемом по 900 миллилитров. Поначалу он переносил операции без каких-либо негативных реакций и даже отмечал удовлетворительный эффект, однако двенадцатое переливание оказалось для Александра Александровича роковым и привело к его гибели.

Действие рассказа Богданова «Праздник бессмертия», который принято определять как антиутопию, происходит в далеком будущем победившего коммунизма, обретенного бессмертия и – утраченной смерти. Главный герой рассказа – гениальный и разносторонне одаренный ученый Фриде, во многом похожий на самого автора, «изобретя» бессмертие для других, становится заложником тысячелетнего «круга повторяемости, особенно невыносимых для гения, самое существо которого ищет новизны». Мучимый цикличностью – «одной из антиномий природы» – по сути романтический герой в фантастическом мире объявляет, что «всеведение и бессмертие заслуживают не благословения, а проклятия», ибо «вечная жизнь есть невыносимая пытка». И огненной вспышкой уходит в смерть – не отрицая бессмертие, но трагически честно его осмысляя.

Богданов показывает, что даже победа над смертью – не конечная точка для человечества, но начало новой, куда более сложной задачи: поиска смысла в контексте бесконечности. В этом, пожалуй, и заключается главная цель космизма сегодня – заставить нас помыслить будущее после будущего и представить вечность человечества в ее пугающих и в то же время умиротворяющих масштабах.

Произведения космистов можно читать по-разному: проверяя научные теории на прочность; как культурологов с особым взглядом на человеческое существование; как идеалистов, чьи фантастические картины внушают веру в нас самих; как тонких лириков, без усталости вглядывающихся в звезды. Но возможно, главная их задача в XXI веке – превратить мысль в план действия. И если мы хоть на миг допустили возможность воскрешения, если на секунду почувствовали, насколько смерть страшна (а может, несправедлива и неестественна), значит, космисты уже сделали свое дело: придвинули нас к будущему, заставив поверить, что нет предела человеческой воле.

Зоя Павлова, литературовед

И смерти не будет!

Русские космисты о бессмертии

Владимир Одоевский
(1804–1869)

4338-й год: Петербургские письма

По вычислениям некоторых астрономов, комета Вьелы должна в 4339 году, то есть 2500 лет после нас, встретиться с Землею. Действие романа, из которого взяты сии письма, проходит за год до сей катастрофы

ПРЕДИСЛОВИЕ

Примечание. Эти письма доставлены нижеподписавшемуся человеком весьма примечательным в некоторых отношениях (он не желает объявлять своего имени). Занимаясь в продолжение нескольких лет месмерическими опытами¹, он достиг такой степени в сем искусстве, что может сам собою по произволу приходить в сомнамбулическое состояние; любопытнее всего то, что он заранее может выбрать предмет, на который должно устремиться его магнетическое зрение.

Таким образом он переносится в какую угодно страну, эпоху или в положение какого-либо лица почти без всяких усилий; его природная способность, изошренная долгим упражнением, позволяет ему рассказывать или записывать все, что представляется его магнетической фантазии; проснувшись, он все забывает и сам по крайней мере с любопытством прочитывает написанное. Вычисления астрономов, доказывающих, что в 4339 году, то есть 2500 лет после нас, комета Вьелы должна непременно встретиться с Землею, сильно поразили нашего сомнамбула; ему захотелось проведать, в каком положении будет находиться род человеческий за год до этой страшной минуты; какие об ней будут толки, какое впечатление она произведет на людей, вообще какие будут тогда нравы, образ жизни; какую форму получают сильнейшие чувства человека: честолюбие, любознательность, любовь; с этим намерением он погрузился в сомнамбулическое состояние, продолжавшееся довольно долго; вышедши из него, сомнамбул увидел пред собою исписанные листы бумаги, из которых узнал, что он во время сомнамбулизма был китайцем XLIV столетия, путешествовал по России и очень усердно переписывался с своим другом, оставшимся в Пекине.

Когда сомнамбул сообщил эти письма своим приятелям, тогда ему сделаны были разные возражения; одно казалось в них слишком обыкновенным, другое – невозможным; он отвечал: «Не спорю, – может быть, сомнамбулическая фантазия иногда обманывает, ибо она всегда более или менее находится под влиянием настоящих наших понятий, а иногда отвлекается от истинного пути, по законам до сих пор еще не объясненным»; однако же, соображая рассказ моего китайца с разными нам теперь известными обстоятельствами, нельзя сказать, чтобы он во многом ошибался: во-первых, люди всегда останутся людьми, как это было с начала

¹ Месмер Фридрих-Антон (1734–1815) – австрийский врач, получивший сенсационную известность своими опытами лечения болезней при помощи так называемого животного магнетизма. В этом методе, в значительной мере шарлатанском, были некоторые зачатки гипнотического внушения.

мира: останутся все те же страсти, все те же побуждения; с другой стороны, формы их мыслей и чувств, а в особенности их физический быт должен значительно измениться. Вам кажется странным их понятие о нашем времени; вы полагаете, что мы более знаем, например, о том, что случилось за 2500 лет до нас; но заметьте, что характеристическая черта новых поколений – заниматься настоящим и забывать о прошедшем; человечество, как сказал некто, как брошенный сверху камень, который беспрестанно ускоряет свое движение; будущим поколениям столько будет дела в настоящем, что они гораздо более нас раззнакомятся с прошедшим; этому поможет неминуемое истребление наших письменных памятников: действительно, известно, что в некоторых странах, например в Америке, книги по причине одних насекомых не переживут и столетия; но сколько других обстоятельств должны истребить нашу тряпичную бумагу в продолжение нескольких столетий; скажите, что бы мы знали о временах Нехао, даже Дария ², Псамметиха, Солона ³, если бы древние писали на нашей бумаге, а не на папирусе, пергаменте или, того лучше, на каменных памятниках, которые у них были в таком употреблении; не только чрез 2500 лет, но едва ли чрез 1000 останется что-либо от наших нынешних книг; разумеется, некоторые из них будут перепечатываться, но, когда исчезнут первые документы, тогда явятся настоящие и мнимые ошибки, поверить будет нечем; догадки прибавят новое число ошибок, а между тем ближайшие памятники истребятся в свою очередь; сообразите все это, и тогда уверитесь, что чрез 2500 лет об нашем времени люди несравненно меньше будут иметь понятия, нежели какое мы имеем о времени за 700 лет до Р. Х., то есть за 2500 лет до нас.

² Дарий I (521–486 гг. до н. э.) – древнеперсидский царь из династии Ахеменидов. Провел реформы, укрепившие персидское государство. Дарий совершил неудачный поход на скифов Причерноморья и начал войны с Грецией.

³ Солон (ок. 638 – ок. 559 гг. до н. э.) – выдающийся политический деятель и социальный реформатор древних Афин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.